VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

А нри Бергсон .
Две формы памяти .
Хрестоматия по общей психологии.
Психология памяти.
М., 1979 С.61-75.

1. Две формы памяти.- Я хочу выучить наизусть стихотворение и прочитываю его вслух стих за стихом, а, затем повторяю несколько раз. Он запечатлелся в моей памяти. Теперь я пытаюсь дать себе отчет в том, как урок был выучен, и вызываю в своем представлении те фразы, которые я, одну за другою, прошел. Каждое из последовательных чтений встает перед моим умственным взором в своей индивидуальной особенности; я снова вижу его вместе со всеми теми обстоятельствами, которые его сопровождали и в рамку которых оно все еще остается включенным; оно отличается от всех предыдущих и всех последующих чтений уже самим местом, занимаемым им во времени; одним словом, каждое из таких чтений снова проходит передо мною, как определенное событие моей истории. И тут опять-таки говорят, что эти образы - мои воспоминания, что они запечатлелись в моей памяти. В обоих этих случаях употребляются одни и те же слова. Обозначают ли они, однако, тот же самый предмет? Знание стихотворения, которое я запомнил, выучив наизусть, имеет все признаки привычки. Как и привычка, оно приобретено посредством повторения одного и того же усилия. Как и привычка, оно потребовало сначала расчленения, потом восстановления целостного действия. Наконец, как всякое привычное упражнение моего тела, оно включено в механизм, который весь целиком приходит в движение под влиянием начального толчка, в замкнутую систему автоматических движений, которые следуют друг за другом всегда в одинаковом порядке и занимают всегда одинаковое время.

Напротив, воспоминание какого-либо определенного чтения, например, второго или третьего, не имеет ни одного из признаков привычки. Его образ, очевидно, запечатлелся в памяти сразу, ибо другие чтения, по самому определению, суть отличные от него воспоминания. Это как бы событие моей жизни; для него существенна определенная дата, а следовательно, невозможность повторяться. Все, что присоединили к нему позднейшие чтения, могло явиться лишь изменением его первоначальной природы; и если мое усилие вызвать в памяти этот образ становится тем легче, чем чаще я его повторяю, то самый образ, рассматриваемый в себе, конечно, уже с самого начала таков, каким он останется навсегда.

 Быть может, скажут, что эти два вида памяти-воспоминание отдельного чтения и знание урока - различаются между собой лишь количественно, что последовательные образы, возникающие при каждом чтении, накладываются друг на друга и что выученный урок есть просто составной образ, являющийся результатом такого наложения. Бесспорно, что каждое из последовательных чтений отличается от предыдущего, между прочим, тем, что урок оказывается лучше выученным. Несомненно, однако, и то, что каждое из них, рассматриваемое именно как новое прочитывание, а не как все лучше и лучше усвояемый урок, абсолютно довлеет себе, пребывает в том виде, в каком оно раз осуществилось, и образует вместе со всеми сопровождающими обстоятельствами несводимый момент моей истории. Можно даже пойти дальше и сказать, что сознание вскрывает глубокую разницу, разницу по существу, между этими двумя родами воспоминания. Воспоминание такого-то чтения есть

А нри Бергсон .
Две формы памяти .

Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1979 С.61-75.

1. Две формы памяти.- Я хочу выучить наизусть стихотворение и прочитываю его вслух стих за стихом, а, затем повторяю несколько раз. Он

запечатлелся в моей памяти. Теперь я пытаюсь дать себе отчет в том, как урок был выучен, и вызываю в своем представлении те фразы, которые я, одну за другою, прошел. Каждое из последовательных чтений встает перед моим умственным взором в своей индивидуальной особенности; я снова вижу его вместе со всеми теми обстоятельствами, которые его сопровождали и в рамку которых оно все еще остается включенным; оно

отличается от всех предыдущих и всех последующих чтений уже самим местом, занимаемым им во времени; одним словом, каждое из таких чтений снова проходит передо мною, как определенное событие моей истории. И тут опять-таки говорят, что эти образы - мои воспоминания, что они запечатлелись в моей памяти. В обоих этих случаях употребляются одни и те же слова. Обозначают ли они, однако, тот же

самый предмет? Знание стихотворения, которое я запомнил, выучив наизусть, имеет все признаки привычки. Как и привычка, оно приобретено посредством повторения одного и того же усилия. Как и привычка, оно потребовало сначала расчленения, потом восстановления целостного действия. Наконец, как всякое привычное упражнение моего тела, оно включено в механизм, который весь целиком

приходит в движение под влиянием начального толчка, в замкнутую систему автоматических движений, которые следуют друг за другом всегда в одинаковом порядке и занимают всегда одинаковое время.

Напротив, воспоминание какого-либо определенного чтения, например, второго или третьего, не имеет ни одного из признаков привычки. Его образ, очевидно, запечатлелся в памяти сразу, ибо другие чтения, по самому

определению, суть отличные от него воспоминания. Это как бы событие моей жизни; для него существенна определенная дата, а следовательно, невозможность повторяться. Все, что присоединили к нему позднейшие чтения, могло явиться лишь изменением его первоначальной природы; и если мое усилие вызвать в памяти этот образ становится тем легче, чем чаще я его повторяю, то самый образ,

рассматриваемый в себе, конечно, уже с самого начала таков, каким он останется навсегда.

 Быть может, скажут, что эти два вида памяти-воспоминание отдельного чтения и знание урока - различаются между собой лишь количественно, что последовательные образы, возникающие при каждом чтении, накладываются друг на друга и что выученный урок есть просто составной образ, являющийся результатом такого

наложения. Бесспорно, что каждое из последовательных чтений отличается от предыдущего, между прочим, тем, что урок оказывается лучше выученным. Несомненно, однако, и то, что каждое из них, рассматриваемое именно как новое прочитывание, а не как все лучше и лучше усвояемый урок, абсолютно довлеет себе, пребывает в том виде, в каком оно раз осуществилось, и образует вместе со всеми сопровождающими

обстоятельствами несводимый момент моей истории. Можно даже пойти дальше и сказать, что сознание вскрывает глубокую разницу, разницу по существу, между этими двумя родами воспоминания. Воспоминание такого-то чтения есть представление и только представление; оно дается интуицией моего духа, которую я могу по желанию удлинить или укоротить; я произвольно отвожу ему ту или другую длительность; ничто не

препятствует мне охватить его сразу, как окидывают одним взглядом картину. Напротив, припоминание выученного урока, даже когда я ограничиваюсь повторением его про себя, требует вполне определенного времени, а именно ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы выполнить, хотя бы только мысленно, одно за другим все те движения, которые необходимы для произнесения соответственных слов;

следовательно, это уже не представление, это действие. И в самом деле, урок, после того как вы его раз выучили, не носит уже на себе никакой отметки, выдающей его происхождение и позволяющей отнести его к прошлому; он составляет принадлежность моего настоящего в таком же смысле, как, например, привычное умение ходить или писать; он скорее изживается, "проделывается", чем представляется; -я мог бы

принять его за врожденную способность, если бы вместе с ним в моей памяти не возникал ряд тех последовательных представлений-чтений, посредством которых я его усвоил. Но представления эти независимы от урока, и так как они предшествовали его усвоению и воспроизведению, то урок, раз выученный, мог бы также обойтись и без них.

Доведя это основное различие до конца, мы можем представить себе две

теоретически самостоятельные и независимые друг от друга памяти. Первая регистрирует в форме образов-воспоминаний все события нашей повседневной жизни, по мере того как они развертываются во времени; она не пренебрегает никакой подробностью; она оставляет каждому факту, каждому движению его место и его дату. Без всякой задней мысли о пользе или практическою применении, но просто в силу

естественной необходимости становится она складочным местом для прошлого.

 Благодаря ей наш разум, или, лучше сказать, рассудок, получает возможность узнать какое-нибудь уже испытанное раньше восприятие; к ней мы прибегаем всякий раз, когда в поисках известного образа поднимаемся по склону нашей прошлой жизни. Но всякое восприятие продолжается в зачаточное действие; и по

мере того как однажды воспринятые нами образы закрепляются, выстраиваясь один за другим вдоль этой памяти, продолжающие их движения видоизменяют организм, создавая в нашем теле новые предрасположения к действию. Так складывается опыт совершенно нового рода, который отлагает в теле ряд вполне выработанных механизмов, выполняющих все более и более многочисленные и разнообразные реакции на

внешние раздражения, дающих совершенно готовые ответы на непрерывно растущее число возможных запросов. Мы сознаем, эти механизмы в тот момент, когда они вступают в действие, и это сознание всех прошлых усилий, скопившихся в настоящем, все еще есть память, но память, глубоко отличная от охарактеризованной выше, всегда устремленная к действию, пребывающая в настоящем н не видящая ничего, кроме будущего. От

прошлого она удержала только разумно координированные движения, представляющие собой накопленные усилия; она обретает эти прошлые усилия не в отражающих их образах-воспоминаниях, а в том строгом порядке и систематическом характере, которыми отличаются движения, выполняемые нами в настоящее время. По правде говоря, она уже не дает нам представления о нашем прошлом, она его разыгрывает; и если она все-

таки заслуживает наименования памяти, то уже не потому, что сохраняет образы прошлого, а потому что продолжает их полезное действие вплоть до настоящего момента.

 Из этих двух памятей, из которых одна воображает, а другая повторяет, последняя может замещать собой первую и зачастую даже создавать се иллюзию. Когда собака встречает своего хозяина радостным лаем и ласкается к нему, она, без сомнения, узнает его; но

едва ли такое узнавание предполагает возникновение прошлого образа и сближение этого образа с текущим восприятием. Не состоит ли оно, скорее, просто в том, что животное сознает ряд тех особых положений, которые занимает его тело, и привычка к которым выработалась у него под влиянием близких отношений к хозяину, так что в настоящий момент они чисто механически вызываются в нем самым

восприятием хозяина? Остережемся идти слишком далеко по этому пути! Даже у животного смутные образы прошлого, быть может, выдвигаются из-за текущего восприятия; мыслимо даже, что прошлое животного все целиком потенциально отпечатывается в его сознании; но это прошлое не может заинтересовать животное настолько, чтобы отделиться от настоящего, которое его к себе приковывает, а потому акты узнавания должны им,

скорее, переживаться, чем мыслиться. Чтобы вызвать прошлое в форме образа, надо иметь способность отвлекаться от настоящего действия, надо уметь придавать цену бесполезному, нужна воля к грезам. Возможно, что один только человек способен к усилию этого рода. Но и мы, люди, восходя таким образом к прошлому, находим его всегда ускользающим, как бы бегущим от нашего взора, словно эта регрессивная

память встречает сопротивление в другой памяти, более естественной, которая, двигаясь вперед, влечет нас к действию и к жизни.

 Когда психологи говорят о воспоминании как о сложившейся привычке, как о впечатлении, все глубже и глубже внедряющемся в нас посредством повторения, они забывают, что огромное большинство наших воспоминаний касаются таких событий и

подробностей нашей жизни, к существу которых относится обладание определенной датой, а, следовательно, невозможность когда-либо воспроизводиться. Воспоминания, приобретаемые умышленно посредством повторения, редки, исключительны. Напротив, регистрирование нашей памятью фактов и образов, единственных в своем роде, осуществляется непрерывно, во все моменты нашей жизни. Но мы скорее,

замечаем такие воспоминания, которые сознательно усваиваются нами, ибо как раз они нам наиболее полезны. А так как усвоение этих воспоминаний путем повторения того же самого усилия похоже на уже известный нам процесс приобретения привычки, то мы, естественно, обнаруживаем склонность выдвигать воспоминания этого рода на первый план, рассматривать их как образец всякого

воспоминания, т. е. видеть и в самопроизвольном воспоминании то же самое явление в зачаточном состоянии, как бы приступ к уроку, который предстоит выучить наизусть. Но как же не заметить, что существует коренное различие между тем, что должно создаваться посредством повторения, и тем, что по самому существу своему не может повторяться? Самопроизвольное воспоминание является сразу совершенно

законченным; время ничего не может прибавить к этому образу, не извращая самой его природы; он сохраняет в памяти свое место и свою дату. Наоборот, усвоенное нами воспоминание выходит из-под власти времени, по мере того как урок все лучше и лучше выучивается; оно становится все более и более безличным, все более и более чуждым нашей прошлой жизни. Итак, повторение отнюдь не может иметь результатом превращение первого

воспоминания во второе; его роль состоит просто в том, чтобы все полнее и полнее использовать те движения, в которые продолжается воспоминание первого рода, сорганизовать их в одно целое и построить таким образом механизм, создать новую телесную привычку. Но такая привычка есть воспоминание лишь постольку, поскольку я припоминаю, как я ее приобрел; а припоминаю это лишь постольку, поскольку обращаюсь к моей

самопроизвольной памяти, которая датирует события и заносит каждое из них в свой список только один раз. Таким образом, из тех двух видов памяти, которые мы только что разграничили, первый является, так сказать, памятью по преимуществу. Память второго рода - та, которую обыкновенно изучают психологи, - есть скорее привычка, освященная памятью, чем сама память...

Покажем, как при усвоении чего-либо обе памяти идут

рука об руку, оказывая друг другу взаимную поддержку. Повседневный опыт показывает, что уроки, вызубренные при помощи двигательной памяти, повторяются автоматически; но из наблюдения патологических случаев явствует, что автоматизм простирается здесь гораздо дальше, чем мы обыкновенно думаем. Замечено, что душевнобольные дают иногда разумные ответы на ряд вопросов, смысла

которых они не понимают; язык функционирует у них наподобие рефлекса. Страдающие афазией, не способные произвольно произнести ни одного слова, безошибочно вспоминают слова мелодии, когда ее поют. Они в состоянии также бегло произнести молитву, ряд чисел, перечислить дни недели или названия месяцев. Таким образом, механизмы, крайне сложные и достаточно тонкие для того, чтобы произвести иллюзию

разумности, могут, раз они построены, функционировать сами собой, а, следовательно, обыкновенно подчиняются только начальному толчку со стороны нашей воли. Но что происходит в то время, как мы их повторяем? Когда мы упражняемся, стараясь, например, выучить урок, то не присутствует ли невидимо в нашей душе с самого начала тот образ, который мы хотим воссоздать при помощи движений? Уже при первом

повторении урока наизусть смутное чувство какого-то беспокойства дает нам возможность узнать, что мы только что сделали ошибку, словно предостерегающий голос слышится нам в таких случаях из темных глубин нашего сознания.

Сосредоточьте же ваше внимание на том, что вы испытываете, и вы почувствуете, что полный образ здесь, перед вами, но неуловим, как настоящий призрак, который исчезает в тот самый момент, когда

ваша двигательная активность пытается фиксировать его очертания. Во время ряда новейших опытов, предпринятых, впрочем, для совершенно иной цели, пациенты заявляли, что испытывают впечатление именно такого рода. Перед их глазами в течение нескольких секунд держали ряд букв, предлагая удержать последние в памяти. Но, для того чтобы помешать им подчеркнуть наблюдаемые буквы движениями,

соответствующими их произнесению, от испытуемых требовали непрерывного повторения одного и того же слога в течение того времени, пока они созерцали образ. В результате явилось своеобразное психологическое состояние, при котором, людям казалось, что они находятся в полном обладании зрительного образа "не будучи, однако, в состоянии воспроизвести хотя бы малейшую его часть: в тот

момент, когда они могли бы это сделать, строчка к их величайшему изумлению исчезала. Говоря словами одного из них, в основе этого состояния было представление целого, своего рода всеохватывающая сложная идея, между отдельными частями которой чувствовалось невыразимое словами единство". Это самопроизвольное воспоминание, которое, несомненно, скрывается позади воспоминания

приобретенного, может обнаружиться, если на него внезапно падает луч света; но оно ускользает при малейшей попытке схватить его посредством умышленного припоминания. Исчезновение ряда букв, образ которых, как казалось наблюдателю, он удерживает в памяти, происходит тогда, когда наблюдатель начинает повторять буквы: "это усилие как бы выталкивает остальную часть образа за пределы сознания".

 Проанализируйте теперь те приемы, которые рекомендует воображению мнемотехника, и вы найдете, что задача этого искусства как раз и состоит в том, чтобы выдвигать на первый план стушевывающееся самопроизвольное воспоминание и предоставлять его, подобно воспоминанию активному, в наше распоряжение; для достижения этого надо прежде всего подавить все бессильные потуги действующей или

двигательной памяти. Способность к умственной фотографии, говорит один писатель, принадлежит, скорее, подсознанию, чем сознанию; она с трудом повинуется призывам воли. Чтобы упражнять ее, надо развить в себе такие привычки, как, например, уменье сразу удержать в памяти различные сочетания точек, даже не помышляя о сосчитывании их: необходимо до известной степени подражать мгновенности этой памяти,

если мы желаем подчинить ее себе. И все-таки она остается капризной в своих проявлениях; а так как те воспоминания, которые она приносит с собой, носят на себе печать грез, то сколько-нибудь систематическое вмешательство ее в нашу духовную жизнь редко обходится без глубокого расстройства умственного равновесия.

 Резюмируя предыдущее, мы скажем, что прошлое, как мы это и предвидели, может, по-

видимому, накопляться в двух крайних формах: с одной стороны, в виде утилизирующих его двигательных механизмов, с другой стороны, в виде индивидуальных образов-воспоминаний, которые зарисовывают все события, сохраняя их собственные очертания, их собственные краски, их место во времени. Первая из этих двух памятей действительно ориентирована в согласии с требованиями нашей природы; вторая,

предоставленная самой себе, избрала бы скорее противоположное направление. Первая, приобретенная при помощи сознательного усилия, остается в зависимости от нашей воли; вторая, совершенно самопроизвольная, обнаруживает такую же капризность при воспроизведении, как и верность в сохранении образов. Единственная правильная и надежная услуга, которую вторая

память оказывает первой, состоит в том, что первая может лучше сделать свой выбор при свете образов, доставляемых "второй,- образов, которые предшествовали положению вещей, похожему на настоящее, или следовали за ним: в этом заключается ассоциация идей. Это единственный случай, когда память ретроспективная правильно подчиняется памяти повторяющей. Во всех других случаях мы предпочитаем построить

механизм, который позволяет нам по мере надобности заново нарисовать образ, ибо мы прекрасно чувствуем, что не можем рассчитывать на его самопроизвольное появление. Таковы две крайние формы памяти, если рассматривать каждую из них в чистом виде.

 Заметим тотчас же: истинную природу воспоминания не удалось до сих пор распознать только потому, что исследователи берут обычно его

промежуточные и до известной степени нечистые формы. Вместо того чтобы сначала разделить эти два элемента - образ-воспоминание и движение, а потом поискать тот ряд операций, посредством которого им удается, потеряв кое-что из своей первоначальной чистоты, слиться друг с другом,- вместо всего этого рассматривают лишь смешанное явление, возникающее как результат их срастания. Будучи

смешанным, явление это одной своей стороной представляет двигательную привычку, другой своей стороной-образ, более или менее сознательно локализованный... Мы перейдем теперь к рассмотрению этих промежуточных состояний и попытаемся выделить в них то, что приходится на долю зачаточного действия, и то, что относится к независимой памяти, т. е. к образам-воспоминаниям. Каковы же эти состояния?

Представляя одной своей стороной движения, они должны, согласно нашей гипотезе, продолжаться в текущее восприятие; но вместе с тем в качестве образов они должны воспроизводить прошлые восприятия. Но тот конкретный акт, посредством которого наше прошлое снова схватывается нами в настоящем, есть узнавание.